

ного экземпляра любого вида транспортных средств (с. 108).

Х р е м а т о н и м – Вид прагматонима. Собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или добытого руками человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, предмета утвари, драгоценного камня (с. 146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Blánár V.* 1975 – Spoločensky podmienená identifikácia – podstatný príznak vlastných mien // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV, 16. 1975.
Gardiner A.H. 1940 – Theory of proper names. A controversial essay. London, 1940 (2-е изд.: London; New York; Toronto, 1954).

Horecký J. 1994 – Logonomastika ako onomastická disciplína // Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien. 11 slovenská onomastická konferencia. Nitra, 1994.

Majtán M. 1989 – Jazykovopolitické aspekty vlastných mien // Aktuálne úlohy onomastiky z hľadiska jazykovej politiky a jazykovej kultúry / Red. M. Majtán. Bratislava. 1989.

Šrámek R. 1981 – Das onymische und das appellativische Objekt // Proceedings of the 13-th International Congress of onomastic sciences. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1981.

Šrámek R. 1994 – Paradigma onomastiky // Jazykovédne aktuality. 31. Č. 1–4. 1994.

Šrámek R. 1995 – Kvantifikujúci aspekty v onomastice // Slavia Slovaca. 30. 1995.

A.B. Сунеранская

Z. Guentcheva (Ed.). L'énonciation médiatisée. Éditions Peeters. Louvain; Paris 1996. 322 p.

Рецензируемая книга является результатом коллективного труда группы лингвистов, возглавляемой З. Генчевой-Декле и написана в течение 1991–1994 гг. Интерес к теме медиатива был пробужден после известной работы Р. Якобсона, посвященной системе грамматических категорий глагола [Jakobson 1957]. Первой значительной работой, охватывающей материал разноструктурных языков, была книга [Evidentiality 1986]. В продолжение этих исследований в 1997 году состоялся симпозиум по категории засвидетельствованности (эвиденциальности, медиативности – терминология еще окончательно не устоялась) в турецком и персидском языках, а также в языках близлежащих стран в Стамбуле (хроникальный материал об этой конференции публикуется в ВЯ, 1998, № 1)¹.

Рассматриваемая книга характеризуется общностью подхода к материалу разноструктурных языков. Это типологическое исследование, основанное на семантике. В каждом языке есть средства, которые позволяют говорящему выразить то, что передаваемое им сообщение является не его личным опытом, а получено из косвенного источника. Средства, которые используют-

ся наиболее широко, являются синтаксическими (франц. *On dit que...*, *il paraît que...*, *dit on...*; англ. *They say that...*, *I heard that...*, русск. *Говорят, что...*) или лексическими – наречия (франц. *apparemment*, англ. *reportedly*, *allegedly*; русск. *очевидно*, *по-видимому...*); частицы (болг. *kaj*, *už*; русск. *мол*, *де*, *дескать*). Однако в некоторых языках существует обязательная грамматическая категория, которая требует от говорящего указания на характер (прямой или косвенный) источника сообщаемой информации. В качестве ведущего термина для обозначения рассматриваемой категории избран медиатив, предложенный Ж. Лазаром. Этим термином охватываются три основных значения: 1) передача факта, услышанного от третьего лица, по слухам или понаслышке; 2) передача факта как результата логического вывода; 3) выражение удивления по поводу констатации факта.

В книге представлено 20 статей на эту тему, посвященных как теоретическим аспектам медиативности, так и описанию конкретных языков. Цель настоящей рецензии – выделить типологически важные конкретные языковые данные, собранные в этом ценном издании. Статьи сгруппированы в разделы по способам выражения медиативных значений. Таких разделов три: I. Медиатив и его связи с перфектом (восемь статей); II. Медиативность: вспомогательные глаголы, суффиксы, частицы (восемь

¹ Настоящая рецензия выполняется в рамках проекта «Категория засвидетельствованности в языках различных типов», финансируемого Российским Гуманитарным научным фондом.

статей); III. Медиативные значения и модальность (три статьи). На первый взгляд эти разделы выделены на разных основаниях и могут пересекаться: показатель перфекта в ряде языков представляет собой суффикс, а модальные значения часто выражаются частицами. Однако пересечения в реальности нет, так как во второй раздел попали те языки, в которых медиативность выражается показателями, по-видимому, не связанными по своему происхождению ни с перфектом, ни с модальностью.

К языкам, в которых медиатив выражается формами перфекта и восходящими к нему формами специальных наклонений, относятся персидский, албанский, болгарский, западноармянский, непальский, турецкий.

В персидском языке (автор – Ж. Лазар) выделяются два регистра повествования – нейтральный и медиативный. В этих двух регистрах перфект играет разную роль: в нейтральном регистре перфект представляет собой результатив настоящего времени и входит в систему форм настоящего времени, основной формой повествования является аорист; в медиативном регистре основная форма повествования – перфект. Форма перфекта в медиативном регистре может передавать значения ретроспективности, инференции, сообщение другого лица и законченное действие в отдаленном прошлом. Эти значения автор считает входящими в семантическое поле медиативности в персидском (в других языках это поле может складываться из других элементов). Форма первого лица несовместима со значением инференции и сообщением другого лица. Значение отдаленного прошлого возможно, если говорящий сообщает о собственном изменении. Существует континуум значений между перфектом как элементом регистра 1 (собственным перфект) и перфектом, принадлежащим к регистру 2 (медиативный перфект). В таджикском языке (частично под влиянием соседнего узбекского языка) развилась группа форм, которые можно рассматривать как новые наклонения – презумптив, медиатив, дубитатив. В отличие от персидского, где медиативность может характеризовать лишь сообщения о фактах в прошлом, в таджикском медиативность может относиться к настоящему времени.

В албанском языке (авторы – Ж.-Л. Дюше и Р. Пернаска) медиативность передается формами специального наклонения – адмиратива, противопоставленного индикативу и субъюнктиву. Адмиратив восходит к

аналитическому перфекту с глаголом обладания или бытия. Исходное значение адмиратива – констатация неожиданного (*Я не верил, но, оказывается, это правда*). Экспрессивность адмиратива дает основание для развития значения интенсивности (*Вот кто; оказывается, маниакально хочет эту шляпу*), доминирования ситуации над говорящим, что свойственно передаче отрицательных эмоциональных состояний. Передача чужой речи – также вторичное значение адмиратива.

Интересен анализ совместимости адмиратива с другими значениями. Адмиратив и интеррогатив – вопросительное предложение в адмиративе – являются риторическими, ироническими или сдвинутыми иным образом. Генерическое значение и адмиратив – эти два значения соединяются в высказывании в тех случаях, когда речь идет о констатации неожиданного – говорящий констатирует применение общего закона, который обязателен для всех (*Такова жизнь, господин полковник!*). Генерическое высказывание в речи другого человека может передаваться адмиративом в полемических целях – для опровержения (*Всегда говорят, что реклама – душа коммерции. Чепуха!*). Примечательно, что автор приходит к выводу о том, что адмиратив в албанском постепенно превращается в перфект.

В болгарском языке (автор – З. Генчева) медиатив по происхождению представляет собой «перфектоидные формы», образующие особое наклонение. Для обозначения разных способов соотношения обозначаемой ситуации и ситуации речи используются понятия актуального и неактуального регистров. В зависимости от значений, передаваемых высказываниями, отношения между ситуацией речи и медиативным высказыванием приводят к выделению двух медиативных регистров: 1) неактуального медиативного нарратива и 2) медиативного актуального высказывания. Нарративный (немедиативный) неактуальный регистр выступает в романе, рассказе, новелле, где рассказчик выступает как всегда присутствующий наблюдатель и объективен, он знает все факты и чувства своих персонажей. Медиативный нарратив используется в рассказах об исторических событиях, сказках, легендах, мифах. Медиативный нарратив характеризуется тем, что в нем возможны только формы 3 л. ед. и мн. ч. В роли сказуемого могут выступать четыре формы медиатива без вспомогательного глагола: аорист, имперфект, плюсквамперфект и будущее в прошедшем. Семантика данных форм –

выражение фактов, не связанных с рассказчиком (а также, в целом с ситуацией речи). Последовательность аористов медиатива (причастие на -л от основы аориста СВ) продвигает повествование. Имперфект медиатива (причастие на -л от основы НСВ) останавливает повествование. Предшествование или предвосхищение событий передается формами плюсквамперфекта и будущего в прошедшем соответственно.

Медиативная последовательность может включаться в нарративный немедиативный регистр. Это создает эффект остановки в главном повествовании и включения самостоятельного рассказа в рамки главного повествования.

Текст исторического повествования может строиться в неактуальном медиативном или немедиативном регистре в зависимости от отнесенности событий к современной/отдаленной эпохе и участия/неучастия в них говорящего. Такой текст может включать также регистр реконструкции (формы конклузива – перфект с вспомогательным глаголом) и регистр косвенной речи (вспомогательный глагол при причастии на -л может быть или не быть).

Актуальные медиативные высказывания допускают все формы лиц и передают различные модальные значения (вспомогательный глагол в форме 3 л. опускается). Медиатив в актуальном регистре означает, что говорящий не отвечает за излагаемые факты, так как: а) он передает слова другого, б) передает слова другого и выражает по поводу их свое недовольство, сомнение, опровержение и др., в) передает факты, опираясь на собственное умозаключение.

Приводятся интересные примеры, противоречащие распространенным представлениям об употреблении медиатива. Не всегда медиатив употребляется говорящим для передачи слов другого лица, как в следующем случае: – *Кто это? Новый офицер? – Да, папа. – Куда он пошел? Почему ты его не пригласил к нам? – Дело в том, что он очень устал* (медиатив).... В данном случае можно предположить, что медиатив интерпретирует поведение другого лица (не связан с передачей чужой речи), как в случае употребления русских речевых частиц, отмеченных Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1992]. В заключение автор ставит важный и для других языков вопрос о том, есть ли в болгарском перфект в классическом смысле слова и, если да, то образуют ли медиативные значения континуум со значениями перфекта.

Статья Ж. Фейе опирается на факты болгарского языка в сопоставлении с турецким. Автор обращает внимание на то, что опущение вспомогательного глагола при причастии на -л происходит по точным правилам. Выделяются три подсистемы. В первой подсистеме выступают только формы 3 лица и опущение вспомогательного глагола обязательно. Эта подсистема реализуется в болгарском языке в сказках (однако в стилизованных литературных сказках в болгарском и в турецком возможен индикатив), в историографии событий до 1923 г. (когда в результате восстания на передний план выдвинулась компартия), а также событий, известных из традиции. В турецком языке в историческом романе выступают времена индикатива. Оппозиция медиатив/индикатив полностью нейтрализуется, если употребляется настоящее историческое. Отклонение от основной закономерности употребления медиатива (выражение незавидительствованности) наблюдается также в переводе текста Библии на турецкий и текста Корана – на болгарский: в болгарском и турецком в этом случае употребляется аорист или прошедшее время на *dl*. И в турецком, и в болгарском языках общеизвестные факты передаются аористом. В турецкой прессе вся информация, рассматриваемая как несомненная, передается формами аориста. В болгарском аорист в прессе употребляется реже и обозначает, что информация оценивается как абсолютно точная.

Вторая подсистема выступает в косвенной или пересказанной речи. Глагол речи необязателен, так как форма медиатива является эксплицитным показателем того, что говорящий не является источником сведений. В этом случае возможны формы всех лиц и вспомогательный глагол (в 3 л.) факультативен. Строгих правил его употребления нет. Он статистически чаще в придаточных предложениях, зависящих от глагола речи. При анализе второй подсистемы возникает вопрос о соотношении медиатива и косвенной речи. С точки зрения Фейе, медиатив – более широкая категория, одним из значений которой является передача чужой речи, то есть косвенная речь. Однако следует подчеркнуть, что источник информации в конструкциях с медиативом является неопределенным или обобщенным, в то время как в конструкции с косвенной речью он обычно конкретизируется. Введение косвенной речи в категорию медиатива закономерным образом влечет за собой также включение в сферу исследования

языков, в которых, как в немецком, имеется субъюнктив косвенной речи. Общее значение медиатива в этой подсистеме – отстраненность от ассерции.

Третья подсистема может быть охарактеризована как инференциальная. Она обычно представлена 3 лицом, но могут быть и другие лица, а вспомогательный глагол обязателен. Говорящий рассуждает по поводу событий, очевидцем которых он не был. Употреблению медиатива в этом случае свойственно значение предположительности. В этом случае аорист медиатива наиболее близок перфекту индикатива.

Три рассмотренных подсистемы, в которых выступает медиатив, отражают универсальную эволюцию перфекта. Речь идет о постоянной утрате инференциального значения и движении к значению дистанцированности (незасвидетельствованности). Значение пересказывательности является промежуточным на этом пути.

А. Донабедян в своей статье описывает факты западноармянского языка, который вообще не учитывался прежде при разработке этой категории. В этом языке медиатив передается с помощью специальных медиативных форм глагола и специальной частицы (взаимодействие этих средств не рассматривается, анализируются в основном глагольные формы). Глагольные формы делятся в первую очередь по формальному признаку на простые и аналитические. К простым формам относятся презенс и имперфект субъюнктива, презенс и имперфект индикатива и аорист. Презенс и имперфект медиатива, перфекта и долженствовательного наклонения являются аналитическими. В этом языке медиатив происходит от древнеармянского перфекта, включающего причастие на *-eal*. Помимо прошедшего медиативного в индикативе имеется также перфект, в состав которого входит результативное причастие на *-as* и аорист. Вспомогательный глагол в медиативе, как и в перфекте, может иметь формы презенса и имперфекта. Перфект передает значение результата, свойства (признака) актанта в позиции подлежащего. Помимо этого результативное причастие неоднозначно в отношении оппозиции актив/пассив, то есть причастие от переходных глаголов может выступать как в активной, так и в пассивной конструкции. Аорист свойствен рассказу, отвлеченному от момента времени (неактуальному регистру, по Генцевой). Аорист полностью ассертивен (на это указывает невозможность его употребления в зависимой части условного предложения).

Значения медиатива с вспомогательным глаголом в настоящем времени: пересказывательность, инференция, адмиративность. В разговорной речи медиатив имеет более маргинальные значения: передача общепринятых положений (в этом случае отстранение говорящего от роли автора не оставляет возможности полемики с говорящим), выражение непредусмотренного состояния, произвольность действия. Медиативные формы прошедшего времени передают секвентность, предшествование по отношению к точке отсчета и в тексте создают план комментария. Статус медиатива – формы наклонения. Это наклонение отличается от других по характеру ассерции. Индикатив ассертивен, субъюнктив неассертивен, а медиатив занимает промежуточный статус: говорящий утверждает пропозитивное содержание, но не является гарантом истинности.

Материал непальского языка рассматривается в работе Б. Михайловского. Изучаемые формы отличны от перфекта и называются инференциалом (что кажется неудачным, так как примеры приведены в основном на адмиративное значение). Значение инференциала в непальском отличается от персидского медиатива. Это значение формулируется как «осознание факта в момент высказывания». Передаваемый инференциалом предполагаемый факт реален, и эта форма с трудом сочетается с наречием *sāyad* ‘может быть’ (это также подтверждает, что данная форма имеет скорее не инференциальное значение, а адмиративное). С инференциалом иногда сочетается *kyare* ‘я полагаю’.

Для пересказывания инференциал, как правило, не употребляется, но он возможен в контексте пересказывательной частицы *ge*, имеющей значение ‘понаслышке’. Инференциал несовместим с вопросительностью, с ироническим повтором слов собеседника. В конструкциях с инференциалом употребляется частица *ro*, маркирующая элемент, референт которого не таков, как ожидалось.

Инференциал возможен как нарративное время, при этом повествованию придается «личный характер», который состоит в том, что автор открывает рассказываемые факты одновременно со своими слушателями.

Материалу турецкого языка посвящены две работы «Медиативные употребления формы на *-mlş* в турецком языке» (М. Мейдан) и «Значения *-mlş* в современном турецком языке. Анализ текста». Формы на *-mlş* выступают в таких повествовательных текстах, как сказки, анекдоты, рассказы

снов. В текстах по истории, а также в публицистике формы аориста на *-dl* подчеркивают несомненность излагаемых фактов, формы на *-mls* употребляются в тех случаях, когда факты реконструируются или надо внести в текст элемент полемики, сомнения, иронии и т.п. Значения формы на *-mls* следующие: пересказывательное, инференциальное, адмиративное. Реализация этих значений в высказывании зависит от сочетания следующих факторов: 1) от типа субъекта (лицо/нелицо), 2) от категории лица субъекта, 3) от комбинации с другими видо-временными аффиксами, 4) от семантики предиката. Автор не формулирует строгих правил, но вскрывает некоторые наиболее обычные связи, например: значение инференции тесно связано с подлежащим-нелицом; в предложениях с подлежащим-лицом чаще передается пересказывательность; у агентивных глаголов форма на *-dl* передает контролируемое действие, а форма на *-mls* — непроизвольность действия; глаголы восприятия препятствуют употреблению в форме на *-mls* с первым лицом; глаголы речи и эмоционального отношения во 2 и 3 лицах в форме на *-mls* интерпретируются только как пересказывательные.

Цель второй статьи — показать, что значение формы на *-mls* не сводится к триаде «пересказывательность — инференция — адмиративность». Авторы отмечают возможность совмещения формы на *-mls* и формы на *-dl* в турецком, что противоречит их объединению в парадигму по афfirmативности/неафfirmативности. Показатель *-mls* может использоваться для оформления сказуемого в зависимом (придаточном) предложении: относительно экспликативном, придаточном обстоятельном, либо для повторного обозначения положения, высказанного ранее. В общем форма на *-mls* передает определенную внеположенность суждения по отношению к знаниям говорящего и интеграцию этого суждения в его речь.

Итак, соотношение медиатива и перфекта в рассмотренных языках может быть следующим: 1) перфект и медиатив связаны исторически; медиатив является отдельным наклонением в системе глагола (албанский, болгарский, западноармянский), 2) медиатив является одним из значений перфекта (турецкий, персидский), 3) медиатив исторически восходит к перфекту и входит наряду с перфектом в состав форм индикатива (непальский). Авторами ряда статей ставится вопрос о том, как происходило семанти-

ческое развитие перфект → медиатив. Высказывается предположение, что значение пересказывательности является позднейшим, а значение инференции и адмиративности у формы перфекта под влиянием контекста возникают раньше.

Переходим к статьям второй части книги. В статье Ж. Перро рассматривается медиатив в уральских языках (мансийском, марийском, эстонском, селькупском и ненецком). Автор обращает особое внимание на то, что медиатив может выражаться разными средствами в одном и том же языке. Мансийский язык использует причастие прошедшего времени с личными показателями для первых двух лиц, в форме третьего лица имеется только именной показатель числа.

В эстонском языке используется показатель *-vat*, восходящий к форме причастия настоящего времени. Конструкция с этим причастием имеет значение медиатива настоящего времени. Для выражения прошедшего времени используется конструкция с медиативным причастием на *-vat* от служебного бытийного глагола в сочетании с причастием прош. времени на *-nud* от знаменательного глагола. В этой функции употребляется также одиночное причастие прошедшего времени без вспомогательного компонента. Автор обращает внимание на интересную особенность оборота с причастием на *-nud*: значение пересказывательности выявляется, если причастие на *-nud* занимает то же место в порядке слов, что и причастие на *-vat* (после подлежащего). Это же причастие в конце предложения выражает только прошедшее время.

В марийском языке для передачи медиатива употребляется синтетическая форма прошедшего времени 1, образованная в результате слияния герундия и усеченных личных форм глагола «быть». Имеются также аналитические формы, в которых выбор вспомогательного глагола связан с передачей прямой или косвенной засвидетельствованности.

В самодийских языках обнаруживается ряд форм, которые передают дистанцированность говорящего от содержания высказывания. В селькупском языке есть специальное аудитивное наклонение для передачи фактов, известных понаслышке, и нарративное наклонение для передачи фактов, которые говорящий узнал с чужих слов либо извлеч из собственной памяти. Аудитив в селькупском языке возможен только во втором и третьем лицах.

Богатство форм, передающих субъ-

ективное отношение говорящего к высказыванию, представлено в ненецком языке, хотя собственно медиатива в нем нет. В ненецком языке есть два наклонения – пробабилитив и суперпробабилитив, которые передают разные степени уверенности говорящего в содержании высказывания. Помимо этого имеются еще аудитив и нарратив. Аудитив используется для передачи фактов, известных понаслышке или воспринятых слухом или обонянием. Нарратив передает факты в отдаленном прошлом и широко используется в устной литературе (фольклоре). Эта форма не имеет собственно медиативного значения, но может окказионально употребляться в ситуациях, допускающих такую интерпретацию.

В статье М. Фернан-Вэ, посвященной финно-угорскому медиативу, отмечается, что ни в одном из северных финно-угорских языков значения медиатива не являются полностью грамматикализованными. Набор средств, вводящих модальную рамку, позволяет выявить шкалу дистантизации говорящего по отношению к содержанию высказывания. К средствам оформления медиативного значения автор относит косвенное наклонение в эстонском, потенциальное и условное наклонения в саамском и финском, а также частицы.

В финском и саамском языках медиативность передается как одно из контекстуальных значений потенциалиса или кондиционала. В современном финском языке потенциалис функционирует в основном в письменных текстах и передает эпистемическую модальность. В повелительном высказывании потенциалис передает вежливое побуждение, а в вопросительном – риторический вопрос. Кондиционал в финском языке передает нереальность (контрфактичность) действия. Иногда он может передавать, что говорящий не уверен в истинности сообщения.

В саамском языке потенциалис малоупотребителен. В основном он встречается в зависимых предложениях и имеет значение предположения, сомнения, неуверенности. Кондиционал имеет значение осторожного утверждения, усиливаемое частицами со значением дистантизации.

В финском и саамском языках медиативность специально передается также с помощью фразовых частиц, образованных от глаголов речи и восприятия. Эти частицы имеют преимущественно разговорный характер.

Таким образом, медиативность в рассматриваемых языках выражается средствами, относящимися к выражению модаль-

ности (косвенные наклонения) и к выражению косвенной речи (частицы). Однако взаимодействие частиц и наклонений в тексте не рассматривается.

Показателем медиативности в корейском языке (автор – И. Чанг) является глагольный суффикс *-teo-*. Автор опирается на методику грамматики порядков. Показатель *-teo-* располагается в последовательности конечных глагольных суффиксов следующим образом: каузатив (1) + вежливость (2) + асп.-темп. (3) + модальн. (4) + *teo* (5) + конечн. (6). Показатель *-teo-* имеет ограниченную сочетаемость с конечными частицами. После него возможен показатель ассертива, интеррогатива и экскламатива, но не императива и экзортатива. Показатель *-teo-* существует только в устной речи. По мысли автора, *-teo-* передает предшествующий моменту речи момент получения говорящим информации о факте. Темпоральные суффиксы, сочетающиеся с *-teo-*, обозначают временные отношения между передаваемым фактом и моментом получения информации. Изучение функционирования сочетания «темпоральный суффикс + *teo-*» позволяет выявить три способа получения информации, передаваемые корейским медиативом: 1) презенс + *-teo-* – прямое восприятие, пересказывание, инференция; 2) прошедшее время + *-teo-* – пересказывание, инференция; 3) будущее время + *-teo-* – пересказывание, инференция.

Особенности медиативных показателей в тибетских диалектах изучаются в статье Н. Турнадра. Автор считает, что тибетским языкам присущи следующие особенности. 1. Показатели медиатива восходят чаще всего к древним глаголам движения ('пойти', 'прийти', 'пройти'), состояния ('сидеть', 'быть поставленным', 'быть посаженным', 'быть равным', 'существовать', 'иметь' и т.д.), речи ('сказать', 'быть известным'), реже к глаголам восприятия ('касаться'). 2. В классическом тибетском эти глаголы употребляются как независимые, но также они могут выступать как служебные глаголы. В современном центральном тибетском диалекте они функционируют преимущественно как связки или служебные глаголы. 3. Служебные глаголы всегда выступают после знаменательных глаголов и могут быть отделены от них только отрицанием или аспектуальным суффиксом. 4. Медиативные показатели выступают почти всегда после конечного глагола независимого предложения и очень редко после глагола в придаточном предложении. 5. Вид в значительной степени пересекается с

медиативом. Видовая морфема иногда бывает слита воедино с медиативной. Вообще же, если вид выражен отдельно, то видовая морфема чаще всего предшествует медиативной.

Для теории медиатива важна разработка значений показателей, выявляемых в тибетских диалектах: констатив, директив, инференция, эндопатия, пересказ, непрямая ассерция, гномичность, новая/старая информация, волитивность/неволитивность, ревелатив (удачный новый термин для обозначения непосредственного обнаружения – не только зрительного – факта в момент речи, т.е. того значения, которое принято называть адмиративом). При констативе (в центральном диалекте показатель глагола – *song*) источником информации является непосредственное восприятие (зрение, слух, обоняние, либо тактиальное восприятие). Пересказанная информация выражается в конструкции с глаголом, оформленным показателем *-pare*. Инференция может быть уверенной и дубитативной. Для тибетских диалектов характерна более уверенная инференция. В центральном диалекте показателем инференциального значения является глагольный аффикс *sha'*. Понятие директива близко к констативу, но отличается тем, что директив подчеркивает, что говорящий целиком отвечает за свои слова и предполагает неопосредованное знание фактов не только благодаря наблюдению, но и рефлексии. Констатив же предполагает только простое наблюдение. И директив, и констатив отмечены только для диалекта джонка, в других диалектах есть только одна из этих категорий. Категория эндопатичности объединяет ряд показателей, которые передают информацию, связанную с внутренним физическим, ментальным или эмоциональным состоянием. Эти показатели связаны преимущественно с первым лицом. Высказывание со значением 'я голоден' в диалекте амдо возможно только с показателем эндопатии (*-hkə*), в то время как утверждение 'он голоден' может быть оформлено только как инференция или пересказанная информация с показателями *-yod* + *-hkə*. Было бы интересно выявить соотношение медиативных значений. Одной и той же морфемой могут быть выражены такие пары значений, как ревелатив и инференция, косвенная речь и гномическое высказывание, волитив и инференция. Связаны ли друг с другом эти значения, остается под вопросом.

Анализу материала чукотско-камчатских языков (носители которых расселены на

крайнем северо-востоке Азии, а не в Восточной Сибири, как указано в заголовке статьи) посвящена статья Ф. Жаксона. Для этих языков характерно использование медиатива в текстах нарративного типа, особенно в мифологических (термин понимается широко – к мифологическим текстам отнесены также легенды и сказки). Средства выражения медиатива в чукотском и корякском являются формы с префиксом *ge-/ga-*, в ительменском – с префиксом *k-* (а не *ke-*, как считает автор). Ительменские формы на *k-* соотносены только с 3 лицом, что позволяет характеризовать их как специализированные формы для передачи неактуального мира повествования, где нет 1-го и 2-го лица, а есть только персонажи рассказа. В то же время чукотско-корякские формы на *ge-/ga-* включены в личные парадигмы, которые автор справедливо квалифицирует как предикативные. Но на основании существования этих парадигм делается вывод, что в этих языках медиатив является категорией археологической, исчезающей. Специализированные средства выражения медиатива усваиваются другими грамматическими категориями. При этом в современном чукотском, как полагают авторы, древнее медиативное значение исчезло, в корякском этот переход еще не завершен, тогда как в ительменском систематически медиативная форма сохраняется до сих пор. Этот вывод представляется дискуссионным, поскольку в ительменском формы с префиксом *k-* являются чукотско-корякскими заимствованиями; правда, заимствованы они были именно для использования в текстах нарративного типа. Автор придерживается традиционной точки зрения, полагая, что ительменский язык генетически связан с чукотским и корякским. Существует альтернативная точка зрения, изложенная в работах, с которыми Ф. Жаксон не имел возможности ознакомиться [Kämpfe, Volodin 1995, Володин 1997]. В этих работах утверждается, что чукотско-камчатские языки составляют не генетическую, а ареальную общность и все факты материальных совпадений являются результатами длительного контактного влияния.

В морфологически богатых диалектах эскимосского языка (инуит) – авторы Ф. Менесье и Б. Роб – средства выражения медиативности разнообразны. В составе глагольной словоформы сосуществуют средства медиативизации – от более лексических, расположенных левее, т.е. ближе к корню, до более грамматических, расположенных правее от корня. Кроме того в связи

с медиативом рассматривается противопоставление финитных глагольных форм и причастных (аттрибутивных) форм. В языке тунумиисут (восточная Гренландия) индикативные финитные формы служат для представления процесса как объективной констатации. В причастных формах факт представлен как мнение, зависящее от интенции говорящего; факт комментируется, оценивается. В состав глагольной лексемы могут также входить суффиксы (авторы так называют морфемы, влияющие на валентность глагола, в отличие от другого типа морфем — инфиксов, не влияющих на валентность глагола, что нельзя признать удачным терминологическим нововведением), которые выражают основные способы восприятия /-qqiittaq-/ 'походить', /-qpaataaq-/ 'быть похожим по виду', /-(q)patiC-/ 'быть похожим на слух', /-sunnitC-/ 'быть похожим по запаху'. Помимо этого, к рассматриваемой смысловой области относятся модальные инфиксы, выражающие вероятность и возможность, а также аспектуально-темпоральные инфиксы, выражающие эвентуальность, будущее деонтическое и перфект. Перфектный индекс *-sima-* выступает со значением инференции. Поскольку труднее всего доказать, что эта форма имеет прямое отношение к медиативности, автор отмечает общее для многих языков явление диффузности собственно перфектного и инференциального значений. Существует также специальная клитика *-ñii(q)/-ñii(q)*, занимающая в словоформе позицию правее последнего суффикса и передающая пересказывательность. Эта морфема может быть присоединена как к глобальной, так и к именной словоформе. Важно, что автор останавливается также на сочетаемости этого послелога и других средств выражения медиативности. Разные средства — перфектный инфикс и послелог с пересказывательным значением — выражают разные медиативные планы. Послелог пересказывания выражает некоторую дистанцированность говорящего по отношению к чужим словам, а перфектный индекс — дистанцированность по отношению к фактам, которые не засвидетельствованы говорящим. Типологически послелог пересказанной речи представляет черты, сходные с вводными словами во французском или в русском — большая подвижность, избыточность, явления фонетической редукции. Некоторое недоумение вызывает заключительный абзац статьи. Автор пишет: «С этнолингвистической точки зрения обилие грамматализованных форм меди-

тива в эскимосском, потребность уточнить характер восприятия... объясняется особой осторожностью (prudence) инуитов в отношении языковой коммуникации». Наличие эксплицитно выраженных грамматических категорий связывается с особенностями эскимосской картины мира или особенностями устройства эскимосских отношений собственности (с. 245). Такой подход, видимо, слишком прямолинеен, и вряд ли удачен.

В языке скомиш (автор — П. Якобс) выделяется три типа частиц, объединяемых с точки зрения прагматического (медиативного) значения: вторые клитики (частицы, присоединяемые к первому слову в предложении и передающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения), вопросительная частица, частица пересказывания. Вместе с тем, автор показывает, что эти частицы не представляют ни грамматического, ни семантического единства.

В языке кечуа (автор — Дж. Тейлор) XVI–XVII вв. имела место система трех степеней модальности (целиком сохранившаяся только в одном из северных диалектов): ассертив (*Я свидетельствую, что...*), цитатив (*я слышал, что...*) и гипотетив (*может быть, что*), описанная в работе [Weber 1986]. Автор уточняет функционирование и эволюцию этих показателей в современных диалектах кечуа. Рассматриваются также вопросы как употребления модальных частиц в вопросительном и подчиненном предложениях, в нарративном контексте, их взаимодействие с фокальной частицей (возможное только в северных диалектах).

Медиативные значения в кахинау (Южная Америка) анализируются в статье Э. Камарго. В работе выделены показатели ассертива, пересказывания, инференции, дистантизации. Все эти значения объединены принадлежностью к общей области значений — выражения отношения говорящего к содержанию своего высказывания. Инференция и дистантизация передаются одним и тем же показателем, который, судя по примерам, выступает вместе с показателем ассертива.

При анализе материала языков, представленных во второй части книги оказывается, что в этих языках нет форм, совмещающих значения пересказывательности, инференциальности и адмиративности. Эти значения передаются разными средствами, не сводимыми в одну категорию.

В третьей части книги рассматривается соотношение медиативных и модальных

значений. При этом в эту часть выделены языки, в которых медиативность передается сугубо лексически. В статье П. Рамата «Стратегии медиатива» рассматриваются результаты обследования языков Европы по вопроснику по фразовым наречиям, в котором под рубриками "модальные: пересказывательные, цитативные, эвиденциальные" были приведены следующие примеры: (1) *Allegedly, John is ill again (but I don't believe it)*; (2) *Reportedly, John is ill again (someone told me so)*; (3) *Supposedly, John is ill again*; (4) *Evidently/apparently/manifestly John has already left*. Исследование показало, что из четырех теоретически возможных комбинаций выражения значений в предложениях (1–3) реализовано только три, а именно: а) выражение медиатива с помощью чисто лексических средств, как наречия; б) употребление чисто грамматических средств, напр. франц. *Jean serait de nouveau malade*; в) комбинация лексических и грамматических средств, напр. в турецком и др. языках черноморского ареала. Четвертая возможность, а именно, отсутствие формального выражения медиатива, когда данное значение вытекает из контекста, не зафиксировано, что подтверждает необходимость маркировать в каждом языке значение достоверности высказывания.

В статье Е.В. Рахилиной анализируется модальная частица *якобы* как средство медиативизации в русском языке. Толкование этой частицы дается следующим образом: 'некоторый X утверждает, что Р, а говорящий считает, что Р неверно'. Эпистемический компонент неистинности Р является важнейшим в значении этой частицы, отличающим ее от других способов обозначения принадлежности информации о Р источнику, отличному от говорящего (*по мнению X-а, по словам X-а, как сообщает X, мол, дескать*). Интересной особенностью конструкций с *якобы* является возможность опущения глагола речи. В семантику этой частицы входит также негативное оценочное значение самого источника. Этим *якобы* противопоставлено частице *будто бы*, не

имеющей оценочного компонента. Эти особенности обуславливают избирательную сочетаемость *якобы* с сообщаемыми фактами и с глаголами, вводящими придаточное изъяснительное. Примечательно, что в нейтральном контексте вряд ли возможна фраза '*Он говорит, что якобы сейчас утро*'; не сочетаются *якобы* и *уверять*: '*Раскольников уверял, якобы он убил старуху*'.

В статье П. Дендаля и В.Де Мюльдера анализируется употребление французского модального глагола *devoir* как показателя инференциального значения, а также обсуждается вопрос о соотношении инференции, дедукции и абдукции (последнее понятие введено Ч. Пирсом).

В целом рецензируемая книга содержит богатый языковой материал, значительная часть которого введена впервые в научный оборот. Это исследование представляет собой значительный шаг вперед в типологическом изучении засвидетельствованности как грамматической, функциональной и семантической категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1992 – Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Володин А.П. 1997 – Чукотско-камчатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997.
- Evidentiality 1986 – Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Ed. W. Chafe, J. Nichols. Norwood, 1986.
- Jakobson R. 1957 – Shifters, verbal categories, and the Russian verb // R. Jakobson. Selected Writings V. 2. The Hague, 1957.
- Kämpfe H.R., Volodin A.P. 1995 – Abriß der Tschuktischen Grammatik. Wiesbaden, 1995.
- Weber D. J. 1986 – Information perspective, profile, and patterns in Quechua // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, 1986.

А.П. Володин, Н.А. Козинцева